

ХАНАЛИЕВ Нурадин Умарпашаевич – кандидат политических наук, первый секретарь департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел РФ (119002, Россия, г. Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34; nur.han.mid@gmail.com)

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА МОНАРХИЙ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить и проанализировать социально-экономические, социокультурные, политико-культурные, этнонациональные, конфессиональные характеристики региона Персидского залива в целом и составляющих его шести арабских монархий – Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов, Бахрейна и Омана – в особенности. Главное внимание концентрируется на выявлении общих характеристик, объединяющих их в единое этнонациональное и геополитическое сообщество, и тех аспектах, которые подрывают любые попытки, направленные на превращение Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), который первоначально был задуман как организация экономического сотрудничества, в политический союз.

Ключевые слова: Большой Ближний Восток, Персидский залив, регион, монархия, государство, политика, геополитика, ислам, нефть, газ

Геополитическая значимость региона Персидского залива определяется, прежде всего, тем фактом, что он обладает богатыми углеводородными ресурсами. По имеющимся данным, их разведанные запасы достигают 545 млрд баррелей нефти, что составляет почти 45% ее мировых запасов, и 30,7 трлн куб. м газа¹. На долю этих государств приходится около 19% добываемой в мире нефти и 8% природного газа. При этом королевство Саудовская Аравия занимает 1-е место по нефтяным запасам (правда, по другим данным, это место занимает Венесуэла), Катар – на 3-м по запасам газа [Ульрихсен 2011]. Катар и ОАЭ являются главными экспортёрами сжиженного газа из региона.

Хотя шиитские Иран и Ирак в силу своего географического положения также можно причислить к этому региону, тем не менее, когда говорят о государствах Персидского залива, имеются в виду всего 6 монархий – Кувейт, Катар, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Королевство Саудовская Аравия и Оман. В данной связи показательно, что Иран и Ирак не входят в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Особо большое значение с геополитической точки зрения имеет Ормузский пролив, который соединяет Персидский залив с Индийским океаном. Именно этот пролив обеспечивает значимость географического положения региона между Африкой, Большим Ближним Востоком, а через Индийский океан – углеводородными рынками остального мира. В этом контексте о значимости пролива свидетельствует, в частности, тот факт, что через него проходят более 30 тыс. кораблей в год.

Регион характеризуется целым рядом факторов, которые более или менее существенно влияют на международно-политическое положение на всем Большом Ближнем Востоке. Не в последнюю очередь речь идет об обеспечении свободного прохода энергоресурсов через Ормузский пролив, противоречиях между самими монархиями залива, а также с другими соседними государствами, прежде всего с Ираном. Положение осложняется вмешательством в политику монархий внерегиональных держав, преследующих свои геополитические интересы. В этой связи важно учесть, что в Саудовской Аравии, Кувейте

¹ Persian Gulf Region. – *University of Texas at Austin*. URL: <https://www.strausscenter.org/hormuz/oil-in-the-persian-gulf.html> (accessed 18.11.2019).

и Катаре находятся военные базы США, а в Катаре – военная база Турции. Нельзя забывать, что этот регион и располагающиеся здесь монархии, будучи частью Большого Ближнего Востока, подвержены угрозам международного терроризма, наркотрафика, торговли наркотиками и т.д.

В последние годы монархии сталкиваются с более или менее серьезными экономическими трудностями, вызванными замедлением роста экономики, неуклонным ростом государственного долга, трудностями, встающими перед бизнесом, нестабильностью цен на углеводородное сырье. Имеет место тенденция к снижению темпов роста экономики. Так, в ОАЭ рост ВВП сократился с 3,8% в 2015 г. до 0,8% в 2017 г. В Саудовской Аравии ВВП сократился на 0,7%, а в Кувейте – на 2,9%¹. К настоящему времени долг Бахрейна составляет около 100% ВВП, а у Омана за период с 2014 по 2017 г. он возрос с 5% до более чем 40% ВВП².

Ключевое место в регионе занимает Королевство Саудовская Аравия, которое по многим жизненно важным вопросам как бы инициирует магистральные направления политики государств региона. О месте и значимости королевства свидетельствует, например, тот факт, что ряд экспертов назвали 2018 г. «годом Саудовской Аравии», хотя этот год ознаменовался убийством 2 октября саудовского оппозиционного журналиста Джамалья Хашогги в дипломатическом представительстве самого королевства в Стамбуле.

Именно по инициативе саудовских властей был создан Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Именно здесь располагаются священные города ислама Мекка и Медина, а также святыни Кааба. Именно в этом королевстве сформировался ваххабизм, ставший государственной религией в самом КСА и Катаре и одновременно идеологической основой ряда экстремистских и террористических исламистских группировок и движений. Она имеет весьма твердые позиции в Лиге арабских государств. Как самый или один из самых крупных обладателей углеводородных ресурсов, КСА пользуется довольно большим влиянием в ОПЕК, и от его позиций во многом зависит успех или неудача ценовой политики государств – членов организации.

Саудовская Аравия имеет статус одного из главных инициаторов и идеологов шиитско-суннитского противостояния, в котором в качестве главного противника королевства выступает Иран. Эти два государства составляют как бы два противоположных полюса в тысячелетнем противостоянии между суннитами и шиитами.

Разумеется, было бы не совсем корректно сводить противоречия и конфликты между этими ведущими государствами Ближнего Востока исключительно к религиозным корням. В этой сфере немаловажное значение имеют претензии обеих сторон на гегемонию в регионе. В основе большинства сколько-нибудь значимых конфликтов и войн лежит борьба за власть и влияние. Как бы подтверждая эту мысль, бахрейнский адвокат Шейх Майтам Аль-Салман с полным на то основанием утверждал: «...есть силы, которые разжигают огонь религиозной вражды, чтобы отхватить большой кусок пирога» [Goldstein 2010: 47]. Поэтому можно согласиться с российской исследовательницей М.Д. Мохаммад, по мнению которой, «суннитско-шиитское противостояние, охватившее в течение последних тридцати лет Ближний Восток, давно вышло за пределы конфессионального конфликта и приобрело ярко выраженную геополитическую коннотацию. Поэтому не следует принимать сектантские разногласия между двумя

¹ «Бесшумный» кризис охватил Персидский залив. 21.08.2018. Доступ: <https://www.vestifinance.ru/articles/105701> (проверено 13.11.2019).

² Там же.

странами в качестве ключевого фактора, определяющего политику, проводимую непримиримыми соперниками, это лишь один из инструментов в большой игре геополитического маневрирования» [Мохаммад 2014: 201-202].

На этом фоне, когда в 1980 г. началась ирано-иракская война, Саудовская Аравия поддержала Ирак – страну, где большинство населения составляют шииты, но власть находилась в руках суннитского клана Саддама Хусейна. Показательно, что Иран, со своей стороны, в 1980 г. поставил под сомнение статус короля Саудовской Аравии как хранителя мусульманских святынь – Мекки и Медины. Руководство ИРИ утверждало, что эти два священных города должны принадлежать всему мусульманскому миру [Nasr 2006: 157]. Именно на этом фоне по инициативе Саудовской Аравии был создан Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Одним из знаковых событий в этом направлении стали столкновения, вспыхнувшие во время хаджа в 1987 г., в ходе которых были убиты сотни иранских паломников. Как известно, в сирийском конфликте Иран поддержал своего союзника – представителя алавитов, близких по своему духу шиитам, Башара Асада. Соответственно, Саудовская Аравия совместно с другими монархиями Персидского залива заняла сторону оппозиционных Дамаску сил.

Следует отметить, что саудовское руководство весьма негативно приняло соглашение об иранской ядерной программе, заключенное так называемой шестеркой государств – Российской Федерацией, США, Германией, Китаем, Великобританией Францией, с одной стороны, и Ираном – с другой, в 2015 году, полагая, что предусмотренное им снятие санкций с Ирана может усилить экономические и политические возможности оказывать поддержку разного рода шиитским группировкам в регионе. Ко всему этому в том же году во время хаджа в давке в толпе паломников снова погибли сотни иранцев. В буквальном смысле бурю в исламском мире, да и за его пределами, вызвала казнь ваххабитскими властями Эр-Рияда в январе 2016 г. шиитского шейха Нимра ан-Нимра. Об остроте шиитско-суннитского противостояния в регионе Персидского залива свидетельствует тот факт, что Саудовская Аравия и Бахрейн в октябре 2018 г. включили иранский Корпус стражей исламской революции (КСИР) в свой список террористов.

В рассматриваемом контексте особо важное значение имеют этнонациональные и конфессиональные различия государств региона и несовпадение границ расселения разных этносов и вероисповеданий с государственными границами. Так, значительную часть населения в государствах региона составляют шииты: в Бахрейне – 65–75%, Кувейте и Дубае – 30%, в Абу-Даби – 20% населения [Aliiev 2006: 287]. Шиитская община Саудовской Аравии составляет, по разным данным, от 10 до 15% населения страны. Шииты населяют оазисы Катиф и эль-Хаса в Восточной провинции королевства, на территории которой сосредоточена значительная часть саудовских нефтяных месторождений [Nasr 2006: 157]. При этом среди министров правительства страны нет ни одного шиита, они не представлены на командных должностях в вооруженных силах и спецслужбах, на высших должностях в городах и полиции Восточной провинции, не говоря уже о стране в целом.

Поэтому не удивительно, что в арабских странах с шиитским населением, где правят суннитские династии, время от времени вспыхивают разного рода выступления шиитов с требованиями повышения их правового статуса. Немаловажное значение для усиления позиций шиитов как в Бахрейне, так и в ряде других стран имело свержение режима Саддама Хусейна и переход власти в руки шиитского большинства в Ираке. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что на парламентских выборах 25 ноября 2006 г. в Бахрейне шиитская

исламистская партия добилась существенного успеха, завоевав 17 из 41 места в парламенте [Манукян 2009]. Это, в свою очередь, вполне объяснимо привело к обострению отношений между шиитской и суннитской частями населения страны.

Требования шиитов существенно возросли с началом так называемой Арабской весны в 2011 г. По сути дела, возникла угроза начала шиитско-суннитской религиозной войны. Одним из практических проявлений этой угрозы стала война в Йемене, где в открытой форме столкнулись интересы Ирана и Саудовской Аравии.

Камнем преткновения в взаимоотношениях монархий Персидского залива как между собой, так и с Большим Ближним Востоком стал сирийский конфликт. Ситуация в этой сфере существенно обострилась, начиная с 2011 г., когда в условиях начавшейся в тот год Арабской весны резко обострилось военно-политическое положение в Сирии. Отношение к сирийскому конфликту стало своего рода лакмусовой бумагой, демонстрирующей позиции каждой из 6 монархий в решении ближневосточных проблем. Дело в том, что Башар Асад отказался отдавать власть в стране, как того требовала Лига арабских государств. Поэтому Катар и Саудовская Аравия, которые инициировали такое предложение, и ряд других монархий Персидского залива вышли из миссии наблюдателей ЛАГ, заявив, что будут добиваться урегулирования сирийского кризиса другими путями. Одним из таких путей стала политическая поддержка и реальная финансовая помощь оппозиционным Дамаску силам, в т.ч. отдельным террористическим группам. Так, Саудовская Аравия и Катар помогают деньгами так называемой Свободной сирийской армии на основании соглашения, которое было подписано еще 2 апреля 2007 г. с командующим этой армии полковником Риадом аль-Асаадом. Речь идет о выплатах, которые призваны «стимулировать дезертирство из правительственной армии Асада»¹. В сирийском и ливийском конфликтах, Арабской весне в Египте и других странах Катар занимал сторону мятежников. В отличие от других монархий, Оман пытается проводить сбалансированную политику в отношении сирийского конфликта². Султан не разорвал дипломатические связи с Дамаском, шеф оманской дипломатии участвует в регулярных встречах международной группы поддержки Сирии³.

Саудовская Аравия решительно поддерживает те монархии, значительная часть населения которых составляют шииты, но у власти стоят представители суннитских династий. А в Бахрейне, где, как уже говорилось, от 65 до 75% населения составляют шииты, у власти бессменно стоит династия суннитского меньшинства. Показательно, что антиправительственные выступления в Бахрейне в марте 2011 г., в котором принимали участие представители шиитского большинства с требованиями демократических реформ, были подавлены с помощью саудовской армии. В ходе выступлений были задержаны и преданы суду многие участники выступлений, а некоторые из них были лишены гражданства Бахрейна. Разумеется, в проблемах Бахрейна были обвинены внешние силы, прежде всего Иран, будто бы заинтересованный в государственном перевороте в этой островной монархии. Кувейт, Саудовская Аравия и ОАЭ в 2018 г. приняли решение предоставить Бахрейну, финансовое положение которого сильно пострадало от падения цен на нефть в 2014 г., помощь в размере 10 млрд долл. США для его спасения от возможного долгового кризиса.

¹ Василенков С. Чьи доллары взрывают Сирию? 29.06.2013. Доступ: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/196759-chi-dollar-vzryvayut-siriyu.html> (проверено 11.11.2019).

² Муради М.Р. Kayhan (Иран): куда покатится мир в 2019? – *Диалог. Таджикистан и мир*. 2 мая 2019. Доступ: <http://www.dialog.tj/news/kayhan-iran-kuda-pokatitsya-mir-v-2019> (проверено 11.11.2019).

³ Там же.

Большую роль в обеспечении единства монархий региона занимает Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива. Общая численность населения стран – его членов достигает 33 млн чел. Эти страны занимают территорию 2 476 кв. км. В первое десятилетие существования организации страны-участницы декларировали ее главной целью экономическую интеграцию по аналогии с европейским Общим рынком. Но из-за ирано-иракской войны ССАГПЗ пришлось укреплять военное сотрудничество между членами организации [Манукян 2009]. Были созданы совместные вооруженные силы под названием «Оборонительные силы полуострова» (*Al-jazeera Forces*) со штаб-квартирой в Саудовской Аравии¹. Как утверждал министр иностранных дел Бахрейна Шейх Халед Бин Ахмед Бин Мохаммад аль-Халифа во время ежегодной конференции «Манамский диалог», состоявшейся в декабре 2007 г., предложенный на конференции проект по решению проблем безопасности Персидского залива «является позитивным развитием безопасности в регионе, стремлением к стабильности, добрососедским отношениям и взаимному уважению»². В дальнейшем по инициативе Саудовской Аравии был предложен проект политического объединения монархий региона. Имелось в виду нечто, напоминающее проект «арабского НАТО», предложенного Вашингтоном позже, при президенте Д. Трампе.

Для правильного понимания положения дел в регионе Персидского залива с точки зрения достижения политического единства монархий необходимо учесть, что идеология иранского режима основывается на идее о несовместимости монархии и ислама. Вождь Исламской революции аятолла Хомейни подчеркивал: «...монархия чужда исламу, ислам и монархия взаимно исключают друг друга». Саудовский ваххабизм он называл «американской версией ислама», которая не имеет ничего общего ни с исламом, ни с Кораном [Furtig 2007]. С этой точки зрения ССАГПЗ можно рассматривать как своего рода «священный союз» арабских монархий Персидского залива против Исламской революции, арабского светского национализма и иранского шиизма.

Определенное влияние на характер взаимоотношений монархий Персидского залива оказывают различия политических режимов по шкале умеренности-жесткости. Так, Кувейт официально является конституционной монархией. Здесь действует парламент, в котором представлены оппозиционные партии, пресса более или менее свободно может критиковать правительство, которое формируется не только из членов правящей династии ас-Сабахов. Совершенно иное положение в Катаре, где нет каких-либо демократических институтов вроде парламента, оппозиции, политических партий, свободных СМИ. Благодаря высоким доходам от углеводородного сырья эта в некотором роде абсолютная монархия занимает 1-е место в мире по уровню ВВП на душу населения. По этому критерию Катар мало чем отличается от Саудовской Аравии. Остальные монархии располагаются между этими двумя полюсами.

С учетом характера взаимоотношений с Саудовской Аравией вполне объяснимо, почему Бахрейн оказал безоговорочную поддержку проекту политического объединения монархий. Решительно против проекта выступает Оман, значимость которого состоит, в частности, в том, что его побережье выходит к Ормузскому проливу, и, тем самым, он занимает весьма выгодное географическое положение. Среди всех монархий залива эта страна занимает 2-е место по экспорту нефти в Китай. Отличие Омана состоит также в том, что он не считает себя членом суннитского блока и часто ведет себя независимо от Саудовской

¹ Armed Forces of GCC Countries to Hold Joint Exercises. — *Khaleej Times*. 2007. January 16.

² The Manama Dialogue. The 4th IISS Regional Security Summit. 7 December 2007.

Аравии. Здесь политическая элита и значительная часть населения представлены приверженцами ибадизма – особого течения в исламе, которое возникло еще в период возникновения ислама и представляет собой специфическое образование, более или менее заметно отличающееся как от суннизма, так и от шиизма.

По многим вопросам Оман занимает позицию, отличающуюся от политики Саудовской Аравии и остальных четырех арабских монархий. Обращает на себя внимание тот факт, что султанат установил более или менее нормальные отношения с шиитским Ираном, а также с США, КНР, Японией, странами Западной Европы, Россией. Более того, Оман, в отличие от многих арабских стран, поддерживает отношения с Израилем. В октябре 2018 г. по приглашению султана Омана Кабуса бен Саида Аль Саида эту страну посетил премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху. В то же время ряд израильских министров посетили Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Бахрейн.

По вопросу о политическом блоке монархий внешнеполитическое ведомство султаната без обиняков заявило: «...политическая интеграция Омана с какой бы то ни было страной или группой стран... не стоит на повестке дня... если государства Совета примут такое решение... Оман будет вынужден покинуть ряды этой организации»¹. Мотивация подобной показательной жесткости имеет два уровня – явный и чуть менее очевидный. Позиция султана в этом вопросе во многом объясняется весьма причудливым этнонациональным составом населения, в котором органически сочетаются представители коренного этноса с выходцами с Африканского континента, мулатами, метисами, наделенными всеми правами подданных султана. Как известно, такое положение не особенно приветствуется некоторыми другими арабскими эмиратами, где трудовые мигранты, особенно несуннитского вероисповедания, считаются второсортными.

Заметную активность в противодействии политике саудитов проявляет эмир Катара шейх Хамад бин Халифа ат-Тани. Значимость его позиции определяется, помимо всего прочего, тем большим влиянием, которым он пользуется в Лиге арабских государств. А самое главное – по запасам природного газа Катар занимает 3-е после России и Ирана место в мире. Огромные финансовые средства, которые он получает от реализации природного газа на мировых рынках, эмират умело расходует для удержания и укрепления своих позиций как на Аравийском полуострове, так и в арабском мире в целом. Как отмечает Д.Б. Малышева, благодаря возросшему спросу на природный газ Катар «увеличил с начала 1990-х годов его экспорт на 500%, получил в свое распоряжение значительные денежные средства, и капитал этого небольшого эмирата стал уверенно конкурировать на рынках Арабского Востока и Африки с ЕС и Китаем. Запустив мощную, вещающую на весь мир пропагандистскую машину – информационную корпорацию “Аль-Джазира”, Катар выдвинулся в число влиятельных игроков на информационном рынке услуг, получив возможность влиять и даже определять общественное мнение арабского мира, формируя его в выгодном для себя направлении» [Малышева 2012].

О влиянии этого эмирата на международной арене свидетельствует тот факт, что он добился проведения Чемпионата мира по футболу 2022 года, сумев одержать победу в конкурсе на его проведение у США. Доха активно участвовала в разработке и заключении мирного договора между президентом Судана Омаром аль-Башаром и мятежниками провинции Дарфур. Доха выполняла

¹ Гасанова Д. Персидский залив: слияние «братских» монархий отложено. Доступ: <http://www.geopolitics.ru/2013/12/persidskij-zaliv-sliyanie-bratskix-monarxij-otlozhenno/> (проверено 11.11.2019).

посредническую миссию при урегулировании конфликтов в Йемене, Сомали, Чаде, Эритрее. Она оказывает финансовую помощь ХАМАСу. Руководство эмирата также ведет переговоры с афганскими талибами. Совместно с Саудовской Аравией и ОАЭ Катар через различные благотворительные фонды поддерживает исламистские группировки и движения, прежде всего ваххабитской ориентации.

Вместе с тем о тех противоречиях и различиях в позициях монархий в отношениях как между собой, так и с остальным миром свидетельствует ситуация, связанная с разрывом 5 июня 2017 г. Саудовской Аравией, ОАЭ, Бахрейном и Египтом дипломатических отношений с Катаром. Поводом к акции стали обвинения эмирата в поддержке терроризма и вмешательстве во внутренние дела государств – инициаторов разрыва дипотношений. Катару был предъявлен ультиматум из 13 пунктов, в т.ч. требование прекратить любые связи с Ираном, финансовую поддержку исламских террористических групп, а также закрыть телекорпорацию *Al-Jazeera*. Соответственно, против Катара были объявлены экономические санкции и транспортная блокада.

При этом было бы не совсем корректным представлять ситуацию таким образом, что все монархии залива отнеслись к этой инициативе с энтузиазмом, поскольку в их позициях прослеживаются более или менее значимые различия. К примеру, Кувейт стремится сыграть роль своего рода посредника между конфликтующими сторонами.

Здесь проблема состоит в том, что КСА и Катар фактически придерживаются почти одинаковых позиций в отношении сирийского конфликта, только в этих двух странах исповедуется ваххабитское ответвление суннитского течения ислама. Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия открыто поддерживали ливийских мятежников, более того, приняли участие в свержении режима Муаммара Каддафи. Все 6 монархий Персидского залива способствовали принятию 17 марта 2011 г. Советом Безопасности ООН резолюции 1973, разрешивший Франции, Великобритании и их союзникам военную операцию против режима Каддафи. Известна их недружественная, если не сказать враждебная, позиция в сирийском конфликте, состоящая в стремлении добиться отстранения от власти Башара Асада.

На положение дел в регионе более или менее существенное влияние оказывают территориальные противоречия и споры между Катаром и Бахрейном, Катаром и Саудовской Аравией, Ираном и ОАЭ, Кувейтом и Ираком, Оманом и Саудовской Аравией, Ираном и Ираком – по сути дела, всех со всеми. Наиболее острыми считаются взаимные территориальные претензии между Ираном и ОАЭ по вопросу о принадлежности островов Большой и Малый Томб, которые в настоящее время находятся под контролем Исламской Республики Иран, острова Абу Муса, который, в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между Ираном и эмиратом Шарджа, подписанным в 1971 г., находится под совместным контролем Ирана и эмирата Шарджа (настоящее время входит в состав ОАЭ) [Манукян 2009]. Иранские политики считают эти острова неотъемлемой частью территории своей страны и «не собираются уступать ни одной йоты земли этих островов другим странам» [Jedinia 2007].

Тем не менее отношения между Ираном и Объединенными Арабскими Эмиратами, в отличие от ряда других арабских монархий, носят более или менее нормальный характер. Иран для Эмиратов не так страшен, каким его рисует саудовская пропаганда. Важно учесть, что значительная часть импорта Ирана с запада проходит через ОАЭ. Через Ормузский пролив из иранского города Бендер-Аббас широким потоком идет контрабанда различных товаров. Естественно, в случае американских или иных санкций этот канал может ока-

заться под угрозой. Поэтому, как отмечает М. Джединия, не случайным представляется тот факт, что «во главе своей миссии в ОАЭ Иран назначил дипломата такого высокого ранга, как Асефи. Сам дипломат называет отношения между двумя странами стратегическими» [Jedinia 2007].

Действительно, между двумя странами установились довольно тесные взаимовыгодные торгово-экономические отношения. В ОАЭ зарегистрированы 7,5 тыс. компаний ИРИ. А в столице этой страны проживают около 400 тыс. иранцев. Здесь уместно отметить, что торговый оборот между двумя странами достигает 10 млрд долл. При этом показательно, что перед своим официальным визитом в ОАЭ в мае 2007 г. тогдашний президент ИРИ Махмуд Ахмединежад предупреждал посла Ирана в этой стране о том, что вопрос трех островов не должен стоять в повестке переговоров. Как утверждал заместитель тогдашнего министра иностранных дел ИРИ М. Садра, «Тегеран пытается убедить своих арабских соседей в том, что Иран не стремится к региональному господству, а ядерная программа вовсе не направлена против их безопасности» [Jedinia 2007].

Заключая статью, можно утверждать, что 6 арабских монархий Персидского залива, по целому ряду характеристик отличающихся от других государств Большого Ближнего Востока, занимают как бы особую нишу в арабском мире, при этом сохраняя ряд ключевых социально-экономических, социокультурных, геополитических и иных параллелей с арабскими государствами в целом. В то же время все 6 монархий имеют некоторый комплекс общих признаков – социокультурных, этнонациональных, политических и иных, – в совокупности определяющих их этнокультурную и геополитическую идентичность. При всем том, как видно из текста статьи, они несут на себе родимые пятна арабского мира в целом, для которого, по большому счету, характерно единство в многообразии, или многообразии в единстве.

Список литературы

- Малышева Д. 2012. Монархии Персидского залива и «арабская весна». – *Международная жизнь*. № 58. С. 41-53.
- Манукян Д.А. 2009. Вопросы безопасности региона Персидского залива. – *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Политология. Вып. 4. С. 160-168.
- Мохаммад М.Д. 2014. Саудовская Аравия и Иран: анализ основных факторов соперничества. – *Политэкс*. Т. 10. № 4. С. 199-207.
- Ульрихсен К.К. 2011. Персидский залив: есть ли жизнь после нефти? – *Россия в глобальной политике*. № 5. Доступ: <https://globalaffairs.ru/number/Persidskii-zalivest-li-zhizn-posle-nefti-15361> (проверено 11.11.2019).
- Aliev A.A. 2006. «National» and «Religious» in the System of Interstate Relations between Iran and Iraq in the 20th Century. Moscow: INION.
- Furtig H. 2007. Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy. – *Middle East Journal*. Vol. 61. No. 4. P. 627-640.
- Goldstein N. 2010. *Religion and the State (Global Issues)*. N.Y.: Infobase Publishing. 382 p.
- Jedinia M. 2007. *Tehran Courts Gulf States*. Tehran, July 12.
- Nasr V.R. 2006. *The Shia Revival*. N.Y.: Norton and Company. 304 p.

KHANALIYEV Nuradin Umarpashaevich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)*, First Secretary of the Department for New Challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (32/34 Smolenskaya-Sennaya Sq, Moscow, Russia, 119002; nur.han.mid@gmail.com)

ON THE PROSPECTS OF POLITICAL UNITY OF THE GULF MONARCHIES

Abstract. The article attempts to identify and analyze the socio-economic, socio-cultural, political-cultural, ethno-national, confessional characteristics of the Persian Gulf region in general, and the six Arab monarchies that make it up – Saudi Arabia, Kuwait, Qatar, the United Arab Emirates, Bahrain and Oman especially. The author focuses on identifying common characteristics that unite them into a single ethno-national and geopolitical community and, at the same time, aspects that undermine any attempts that are aimed at transforming the Cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf, which was originally conceived as organization of economic cooperation, in a political union.

Keywords: Greater Middle East, Persian Gulf Region, monarchy, state, politics, geopolitics, Islam, oil, gas

ОРЛОВА Светлана Викторовна – аспирант департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; or.swetlana@gmail.com)

МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕХНОЛОГИЯМ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Аннотация. На современном этапе развития международных отношений возникновение вооруженного конфликта мирового масштаба представляется маловероятным. Однако это не означает, что все возникающие проблемы между государствами решаются и будут решаться сугубо мирными средствами, без ущерба для одной из сторон конфликта. Для свержения или трансформации неугодных политических режимов наиболее часто используются технологии так называемых цветных революций, которые впервые были успешно опробованы США в отношении республики Иран в 1953 г. Противодействие технологиям дестабилизации является крайне сложной задачей, требующей от государства, находящегося под угрозой внешнего вмешательства, умения гибко реагировать на поступающие вызовы и предпринимать опережающие действия, целью которых является ликвидация почвы для возможного социального и политического протеста, который зачастую используется как главный актор «цветных революций».

Ключевые слова: Россия, угроза, дестабилизация, противодействие, технологии, политические механизмы, «цветные революции», Северная Африка, Арабская весна

Прежде чем перейти к рассмотрению тех угроз, которые несут в себе так называемые цветные революции, а также разобраться в механизмах противодействия этой угрозе, стоит дать краткую характеристику того, что представляет собой подобная технология смены политического режима.

«Цветная революция» представляет собой детально проработанный механизм вмешательства третьей стороны во внутренние дела государства с целью дестабилизации и смены политического режима в угоду своим интересам. Достижение этой цели осуществляется посредством создания кризисной ситуации. При этом активную роль в развитии кризиса играет деструктивно настро-